

УДК 323.2+27, 327.3, 316.4

ХАНАФИТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ¹

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена описанию ханафитского измерения дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. В статье раскрывается юридическая формула ханафитской правовой школы и ее особое влияние на процесс легитимации политических изменений. Конкретные особенности мазхаба выводятся из рассмотрения трех локальных исторических потрясений исламского мира: распад Османской империи, революция в Египте 1952 года, современной роли террористической группировки ДАИШ. Также затрагивается влияние «Арабской весны» на процессы мобилизации мусульманского населения.

Ключевые слова:

политический ислам, ханафитский мазхаб, дискурс мобильности, Арабская весна, ДАИШ.

Рефлексия опыта реактивных изменений, произошедших в странах исламского Востока за последние годы, неизбежно проецирует академический интерес к региональным процессам [3; 4; 5; 7]. Основной вектор интереса – процессы мобилизации населения, спровоцировавшие не только смену режимов, но и актуализацию дискурса, формирование новых идей и концепций, изменение региональной подсистемы в целом.

Общим отражением данного конгломерата изменений в академическом дискурсе считается дискурс мобильности. Его появление и применение в пространстве восточной политики на эвристическом уровне является условным знаком перехода исламских стран к состоянию современности. Происходит переход от авторитаризма к политическому идеализму демократии, не обеспеченному социально-экономическими изменениями. Тем не ме-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

нее, произведенные изменения получают позитивную презумпцию на уровне мирового общественного мнения, а в эмпирическом смысле – рассматриваются как фактор ускорения динамики социальных изменений, более способных к рецепции позитивных практик из стран-лидеров мирового развития, нежели при обветшалом авторитаризме.

Именно эта конфигурация гипотез позволяет говорить о применимости дискурса мобильности к странам исламского Востока. «Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности [9]. При этом любым проявлениям мобильности и динамичным формам деятельности необходим источник. В условиях несекулярного общества в роли такого источника может выступать только религия. При этом традиционный вариант декомпозиции исламского вероучения на два основных направления – шиизм и суннизм, не охватывает весь спектр мобилизующих факторов. Иные основания представляет вариант деления на правовые школы – мазхабы. Каждый мазхаб содержит ряд правил и норм, детерминирующих реальную жизнь общества, границы социальной динамики и характеристики институтов государства.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять фундаментальных мазхабов, имеющих аутентичную правовую и социально-политическую формулу. Четыре мазхаба – ханафитский, маликит-

ский, шафиитский и ханбалитский – в суннизме и джафаритский в шиизме. Каждый из этих мазхабов имеет собственное место в дискурсе мобильности в исламе, определяющее характеристики общества и его потенциал мобильности. Большая часть стран, изменившихся в горниле «Арабской весны», принадлежит именно к ханафитскому мазхабу.

Рассматривая мазхаб с позиции политической науки, необходимо абстрагироваться от его религиозной роли, концентрируя внимание на социально-политическое влияние, которое он оказывает на общество-реципиент. Таким образом, историческая локализация сторонников правовой школы детерминирует поведение и отношение к политическим изменениям не только приверженцев, но даже не-мусульман, проживающих в данном государстве.

Ханафитская правовая школа, в целом, рассматривается экспертами как самая умеренная в исламе: «Ханафитская школа (по сравнению с другими школами) рассматривается как относительно либеральная, поэтому ее либеральный характер стал практически поговоркой в исламских кругах. Из всех прочих школ именно ханафитская заняла наиболее либеральную позицию по отношению к «людям Писания» (Ахль Аль-Китаб), то есть к христианам и иудеям, находящимся под юрисдикцией исламского государства» [8].

Конкретное влияние ханафитской правовой школы на дискурс мобильности можно выразить, исходя из особенностей легитимации политических изменений, заложенных в его юридической формуле. Так, помимо традиционных источников права, как Коран, Сунна и иджда, и использования суждения по аналогии, мазхаб позволяет использовать особый механизм – истихсан. «Если закон, установленный благодаря обоснованию по аналогии (кыяс), оказался чересчур резок или обернулся против обще-

го блага, то он может быть пересмотрен по дискреционному усмотрению («истихсан»)» [8].

Де-факто, данный механизм применяется, когда имеет место быть какое-либо нововведение в образе жизни, по которому невозможен консенсус правоведов на основе источников права. Его реальное функционирование заключается в том, что если нововведение соответствует общественному благу, то оно может быть применено в условиях мусульманской уммы. Прямая политическая аналогия зиждется на роли избирательного права – любой политик, чья предвыборная программа была поддержана на выборах или иных легитимных способах прихода к власти, имеет легитимность на претворение нововведений. Также данный механизм может использоваться пассивно: в ситуации, когда нововведение стало частью жизни мусульман, и никто не высказывается против.

Иные особенности правовой школы и влияния на дискурс мобильности могут быть рассмотрены с помощью анализа конкретных кейсов – исторических проектов, в реализации которых имела место быть колоссальная мобилизация общества. Так, именно эта правовая школа является доминирующей в странах, бросавших на протяжении истории самые значительные модернистские вызовы цивилизации. А именно: турецкий проект Мустафы Кемалю, египетский проект Гамаль Абдель Насера и проект террористической группировки ДАИШ.

Каждый из этих проектов имел одинаковую коннотацию – попытка мобилизации мусульманской уммы с целью изменить систему мироустройства, выведя страну-реципиента в лидеры мирового развития, тем самым вернув «золотой век ислама». Именно это делает данные кейсы частью единой эволюционирующей системы

мобильности исламского общества, вне относительно маргинального и делинквентного характера воздействия ДАИШ. Это доказывается также и тем фактом, что именно исторические катастрофы являются лучшим катализатором мобильности и, как следствие, потребности в изменениях [1, с. 237–238].

Исторический репертуар подобных катастроф имел широкое распространение в пространстве ханафитских стран. Исторически первой катастрофой, сформировавшей осмысленный модернистский вектор потребности в изменениях, который осуществил мобилизацию, являлось разрушение Османской империи. Несмотря на то, что ранее также имели место быть крупные социально-политические катастрофы в ханафитских странах, говорить об институционально оформленном проекте можно лишь начиная с данного кейса.

Претворяемые Мустафой Кемалем изменения в Турции XX века кардинальным образом изменили турецкое общество. Инициированный им дискурс мобильности затронул самые разные аспекты жизни общества, среди которых: смещение османского космополитизма к турецкому национализму, смещение добровольной автаркии восточного социума к активной рецепции западного образа жизни, смещение восприятия пространства и его локализация в рамки этнических границ. «Самыми крупными реформами, кардинально изменившими Турцию, стали преобразования Мустафы Кемалю <...> М. Кемаль определил такие принципы в политической жизни Турции, как европеизация, национализм, этатизм, революционность, народность и лаицизм» [10]. Под последним понимается стремление вывести общественно-политическую жизнь из-под влияния религии. При этом речь идет не о секуляризации в западном ее понимании, а о на-

ционализации религиозных функций путем передачи функционала шейх-уль-исламата государству.

Полный спектр данных изменений, представлявший собой институционально оформленный модернистский проект, был ответом на постигшую высокую Порту геополитическую катастрофу. Также это было способом сохранения целостности турецкой нации в противовес послевоенных планов по разделу страны.

Исторически следующим институционально оформленным модернистским проектом, приведшим к мобилизации, является революция 1952 года. Несмотря на пиетет и формальное главенство Мухаммеда Нагиба, основная роль в инициации изменений принадлежала Гамалю Абдель Насеру, ставшему президентом страны в 1956 году. За время его президентства Египет столкнулся с беспрецедентным давлением со стороны западноевропейских стран и угрозой полномасштабной интервенции. Именно эти факторы обусловили характер изменений в стране, произведя беспрецедентную мобилизацию населения, венцом которой стала идея «арабского социализма». Стоит отметить, что сама фраза включала в себя наиболее мобилизующие императивы для стран исламского востока – облеченные в религиозный смысл императивы справедливости и исторического реванша.

Имплементация данных императивов в египетское постреволюционное общество также привела к кардинальным изменениям: смещение происламской ориентации нео-панарабскими концептами, смещение добровольной автаркии восточного социума к активной рецепции советского образа жизни и экономической модели, изменение восприятия территории государства как подмандатной королевской династии на ирредентистские концепции.

Как и в случае с младотурецкой революцией, египетский проект акцентировал внимание на вопросах идентичности, религии и территории. «Идея арабского социализма была основана на национализме и стала своего рода наследницей идеи панарабизма <...> Специфика арабского социализма заключается, прежде всего, в том, что религия в нем играет одну из ведущих ролей, тогда как марксистский социализм зиждется на атеизме. Существование социалистической идеологии вне религии в условиях жизненного уклада и мировоззрения стран арабского Востока невозможно, поскольку религиозный фактор играет ключевую роль во всех сферах жизнедеятельности населения рассматриваемого региона» [1].

Именно Египет стал также колыбелью современных революций Востока. Активно проявившая себя в регионе «Арабская весна», оставила на стране значительный отпечаток, заложив в дискурс идею о полномасштабном пересмотре баланса и границ в регионе Ближнего Востока. Однако наиболее одиозным наследием этих событий служит не концептологическая активизация научного дискурса и формирование новых моделей развития поставторитарных стран, а сформировавшееся концентрированное проявление кризиса восточной политики в целом – реваншистский проект ДАИШ.

В данном исследовании необходимо абстрагироваться от конкретной политической роли группировки, маргинального и делинквентного характера воздействия, обратившись к аксиологической платформе, сделавшей существование ДАИШ реальностью. Истоком ее появления, кроме конструктивистского воздействия США и их группировки в Ираке, непосредственно можно считать мобилизацию суннитского населения в качестве антагонизма шиитскому правлению в Ираке, на которое сделали

ставку интервенты, а также гражданское противостояние в Сирии. «Систематическая маргинализация суннитской общины и нестабильность в северных провинциях Ирака послужили питательной почвой для роста влияния экстремистских и джихадистских организаций, среди которых особый размах получило «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ; арабское название Давля исламийя фи'ль Ирак ва'ль Шам, ДАИШ). Ещё одним фактором, благоприятствовавшим деятельности джихадистов, послужила гражданская война в Сирии» [6].

Таким образом, в формировании данного экстремистского проекта, как и в предыдущих случаях, основную роль сыграла мобилизация суннитского ханафитского населения и артикуляция императивами справедливости и реванша, раскрываемых по направлениям идентичности, пространства и образа жизни. В каждом из этих направлений была предложена своя повестка, преподносимая в качестве плацебо для решения кризиса, в котором находится исламская цивилизация.

Несмотря на то, что основная масса последователей ДАИШ – мусульмане ханафитского мазхаба, экстремальный характер самой группировки, разумеется, не позволяет говорить о полной релевантности данного примера, однако, это способно подчеркнуть особенность аутентичной повестки данной правовой школы и мобилизационный потенциал, который она содержит. Так, основным вектором данного исламистского проекта является отказ от использования национальной повестки в угоду космополитизму. При этом сделано это не столько из-за внутренних причин, сколько для увеличения рекрутинговой базы.

Вопрос пространства, в данном случае, также играет ключевую роль. Основной посыл ДАИШ – вызов устоявшимся тер-

риториальным границам и сформированным государствам. Поскольку нынешние границы имеют постколониальную архитектуру, то и их восприятие является относительным. «Появление ИГ имеет далеко идущие геополитические последствия. Деятельность этой организации вызвала обрушение существующих на Ближнем Востоке политических границ, созданных в соответствии с договором Сайкс-Пико 1916 г. В частности, государственной границы между Сирией и Ираком. По всей видимости, «Исламское государство» будет невозможно уничтожить силовыми методами» [6].

Касательно рецепции образа жизни, в отличие от турецкого и египетского проектов, ориентированных на капитализм и социализм соответственно, в настоящее время идет попытка предложить новый проект, основанием которого служит политический ислам. В данном контексте можно провести аналогию с исламской революцией в Иране. Тогда аятоллой Хомейни был также предложен новый, аутентично исламский, модернистский проект, впоследствии снискавший легитимность в территориальных границах современной Исламской Республики Иран. При этом данный проект был пригоден только для последователей шиизма; последователи суннизма, более лабильного в отношении легитимации политической власти, на сегодняшний день не имеют никакого институционального проекта, способного бросить глокалистский вызов современной модели глобализации. Это говорит о том, что относительные успехи террористических формирований лишь подчеркивают необходимость изменения регионального баланса и облечения мобилизационного потенциала в дискурсивно-концептуальные рамки новой потенциальной идеи общественно-политического развития. В целом, наиболее подходящий

проект был разработан в рамках неомарксизма [2], но он не был актуализирован и не приобрел мобилизационного потенциала в ходе «Арабской весны».

Подводя итог, можно заключить, что ханафитское измерение дискурса мобильности основано на артикуляции традиционно исламских императивов справедливости и исторического реванша и локализуется в изменениях по трем траекториям: изменение идентичности, изменение пространства, изменение образа жизни. Анализ исторической ретроспективы подчеркивает, что данная правовая школа делает акцент на национальную идентичность в противовес исламскому космополитизму; производит ревизионизм восприятия пространства в случае, если оно не оптимизируется с географическим расселением этноса; предполагает плюрализм образа жизни, основанный на идее его подчинения общественному благу.

1. Аллахкулиев М.Г. Арабский социализм в контексте современной социально-политической ситуации в Египте // *Власть*. 2013. № 1.
2. Амин С. «Империя» и «Множество» [Электронный ресурс] // СКЕПСИС. URL: http://scep sis.ru/library/id_593.html.
3. Бирюков С.В. «Арабская весна» и судьба авторитарных режимов в странах Ближнего Востока // *Социогуманитарный вестник*. 2013. № 1.
4. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка – М.: Международные отношения, 2003.
5. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокреницкий – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
6. Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на ближнем востоке // *Вестник МГИМО университета*. 2015. № 2.
7. Мирский Г.И. «Арабская весна» – туманы и тревоги // *Россия в глобальной политике*. 2013. № 2.
8. Петренко Н.И., Надеждин А.В. Юридическая формула ханафитского мазхаба (правовой школы Абу Ханифы) // *Марийский юридический вестник*. 2015. № 1.
9. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2014. № 13 (184).

10. Сидоренко К.С. Проблемы секуляризации в Турции: история и современность // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2014. № 1–2.
11. Тимакова А.А. «Арабская весна» как матрица нестабильного мира // *Научно-аналитический журнал обозреватель – OBSERVER*. 2014. № 12.
12. *Islam and Modernity* // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
13. Robinson L. *An Assessment of the Counter-ISIL Campaign* – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
14. Uso-Domenech J.L., Nescolarde-Selva J. *Revealing the Face of Isis* // *Foundations of Science*: № 19, – 2014.

1. Allaxkuliev M.G. Arabskij socializm v kontekste sovremennoj social'no-politicheskoj situacii v Egipte // *Vlast'*. 2013. № 1.
2. Amin S. «Imperiya» i «Mnozhestvo» [E'lektronnyj resurs] // СКЕПСИС. URL: http://scep sis.ru/library/id_593.html.
3. Biryukov S.V. «Arabskaya vesna» i sud'ba avtoritarnyx rezhimov v stranax Blizhnego Vostoka // *Sociogumanitarnyj vestnik*. 2013. № 1.
4. Zhdanov N.V. *Islamskaya koncepciya miroporjadka* – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003.
5. *Islamskij faktor v istorii i sovremennosti* / Pod red. V.Ya. Belokrenickij – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011.
6. Kuznecov A.A. «Islamskoe gosudarstvo» v kontekste politicheskix izmenenij na blizhnem vostoke // *Vestnik MGIMO universiteta*. 2015. № 2.
7. Mirskij G.I. «Arabskaya vesna» – tumany i trevogi // *Rossiya v global'noj politike*. 2013. № 2.
8. Petrenko N.I., Nadezhdin A.V. *Yuridicheskaya formula xanafitskogo mazhaba (pravovoj shkoly Abu Xanify)* // *Marijskij yuridicheskij vestnik*. 2015. № 1.
9. Rusakova O.F. *Diskurs mobil'nosti v sovremennyx kommunikacijax* // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 13 (184).
10. Sidorenko K.S. *Problemy sekulyarizacii v Turcii: istoriya i sovremennost'* // *Golos minuvshogo. Kubanskij istoricheskij zhurnal*. 2014. № 1–2.
11. Timakova A.A. «Arabskaya vesna» kak matrica nestabil'nogo mira // *Nauchno-analiticheskij zhurnal obozrevatel' – OBSERVER*. 2014. № 12.
12. *Islam and Modernity* // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
13. Robinson L. *An Assessment of the Counter-ISIL Campaign* – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
14. Uso-Domenech J.L., Nescolarde-Selva J. *Revealing the Face of Isis* // *Foundations of Science*: № 19, – 2014.

UDC 323.2+27, 327.3, 316.4

HANAFI DIMENTION OF DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM

Isacov Alexander Sergeevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
post-graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article describes the Hanafi measuring of discourse of mobility in Islam. The author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. The article deals with the legal formula of Hanafi law school and its especial influence on the process of legitimation of the political changes. Specific features of Madhab derived from a consideration of three local historical disasters of the Islamic world: the fall of the Ottoman Empire, the revolution in Egypt in 1952, the modern role of ISIS terrorist group. Also describes the influence of «Arab Spring» on the processes of mobilization of the Muslim population.

Key words:

political Islam, the Hanafi madhab, discourse of mobility, Arab spring, ISIS.